

Николай БАБИЛУНГА

ЗАПАДНОРУССКИЕ ЗЕМЛИ И КИЕВ XII в. В БОРЬБЕ ЗА САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ: РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОГО ФАКТОРА

Видный советский историк-медиевист Б.А. Рыбаков в своей книге, посвященной 1500-летию Киева, так описывает особенности этно-социальной эволюции юго-западных древнерусских земель, которые во многом стали прародиной русинов как уникального и своеобразного этноса: «В истории Галицко-Волинских земель мы видим перемещение исторического центра: в древние времена на первом месте был Дулебский союз племен, находившийся на стыке восточно- и западнославянских племен Прикарпатья и Волыни. В VI в. этот союз племен был разбит аvaraми, старый племенной центр - Волынь - заглох, и центром этих земель становится Владимир Волынский, носящий имя Владимира Святославича, уделявшего большое внимание западнорусским землям. Плодородная почва, мягкий климат, относительная безопасность от кочевников сделали благодатную землю Волыни одной из богатейших на Руси. Здесь очень интенсивно развиваются феодальные отношения и складывается сильный боярский слой. Здесь возникают такие города, как Перемышль, Луцк, Тербовль, Червен, Холм, Берестье, Дрогичин. Долгое время мы ничего не находим в летописях о Галиче. Но в XII в. Галич из небольшого удельного городка второстепенных князей быстро превращается в столицу значительного княжества, возникшего на землях таких славянских племен, как белые хорваты, тиверцы и уличи. На рубеже XII и XIII столетий Роман Мстиславич Волынский объединил Галицкую землю и Волынь в одно большое государство, пережившее татаро-монгольское нашествие и просуществовавшее до XIV в. Такова схема истории Западной Руси.

Самостоятельную политику по отношению к Киеву западнорусские князья пытались вести еще в XI в.: например, Василько Ростиславич Тербовльский, ослепленный после Любечского съезда, его брат Володарь, князь Перемышльский, и их враг Давыд Игоревич Волынский, а потом Дорогобужский. Последним представителем мелких князей-изгоев был Иван Ростиславич Берладник, внук Володаря, биография которого полна разнообразных приключений. В 1144 г. он княжил в небольшом Звенигороде (на севере от Галича), а галичане, воспользовавшись тем, что их князь Владимир Володаревич был далеко на

охоте, пригласили Ивана и "введоша к себе в Галич". Когда Владимир осадил Галич, то весь город отстаивал Ивана, но в конце концов ему пришлось бежать на Дунай, а Владимир, войдя в город, "многы люди изсече, а иные показни казнью злою". На Дунае Иван Ростиславич по области Берлады и получил прозвище Берладника»¹. Подробности этих событий и стали предметом рассмотрения настоящей статьи.

Собственно, данная тема заинтересовала меня в процессе знакомства с сочинением замечательного русского историка церкви профессора Московской духовной академии Сергея Ивановича Смирнова (1879-1916) «Как служили миру подвижники Древней Руси»². Вообще перу этого замечательного русского исследователя и духовника принадлежит множество интереснейших работ по истории православия на Руси, которые – будем надеяться! – еще станут достоянием широких кругов научной и православной общественности, еще найдут своего заинтересованного читателя³. Но в данном случае речь не об этом ученом, а об одном из персонажей его труда. И, в частности, мое внимание привлекло упоминание С.И. Смирновым Ивана Берладника – интересной и достаточно загадочной личности, с именем которой связаны некоторые драматические события древней истории нашей земли. Более того, с этим именем связана почти детективная история, когда в 60-х гг. XIX в. известный молдавский историк, писатель и филолог Богдан Петричейку Хашдеу попытался удревнить историю молдавской государственности, связав ее с так называемыми берладниками и «сочинив» для этой цели исторический документ – «Грамоту Ивана Берладника»⁴, доказывающую, якобы, существование некоего молдавско-славянского государства в бассейне реки Бырлад на территории будущего Молдавского княжества еще в XII в. Интересно, что действительное наличие в какой-то период древнерусского Берладского княжества в Карпато-Дунайских землях до сих пор признается некоторыми историками вполне допустимой возможностью в виде определенного славянского анклава, отрезанного от основной массы славянства наподобие Тмутараканского царства⁵.

Но вернемся к исследованию историка церкви С.И. Смирнова. Он упоминает имя Берладника в следующем контексте: «Обращение к милосердию, заступничество за несчастных осужденных, печалование русских иноки считали своим делом. Игумены киевских монастырей печалуются пред великим князем Святополком за несчастного князя Василька Ростиславича, как только узнали об ослеплении, грозящем Васильку. Перед тем же Святополком митрополит и игумены печалуются за князя Ярослава Ярополковича и вымаливают ему свободу. Митрополит Константин и "игумени вси" ходатайствуют, и с успехом, пред Юрием Долгоруким за князя-изгоя Ивана Ростиславича

Берладника, которому грозила смерть. Заступничество преподобного Варлаама Хутынского спасло жизнь одному осужденному преступнику, которого новгородцы собирались сбросить с моста в Волхов»⁶.

Как видно, профессор С.Т. Смирнов упоминает о ходатайстве митрополита Константина и всех игуменов перед князем Юрием Долгоруким за опального князя-изгоя Ивана Берладника. Речь в данном случае идет о следующем эпизоде. Юрий Долгорукий, окончательно утвердившийся в Киеве, нуждаясь в помощи своего зятя Ярослава Владимировича Галицкого, согласился выдать ему его конкурента и врага Берладника. Ивана схватили в Суздале и привели в оковах в Киев, где дожидались его послы от Ярослава с большой дружиной. Но духовенство выступило против этого предательского поступка; митрополит и все игумены сказали Юрию: «Грешно тебе, целовавши крест, держать Ивана в такой нужде, да еще теперь хочешь выдать его на убийство». Юрий послушался, не выдал Берладника галичанам, а отправил его назад в Суздаль в оковах. Но Изяслав Давыдович Черниговский, узнав, что Берладника везут опять в Суздаль, послал перехватить его по дороге и привезти к себе⁷. Люди Изяслава Давыдовича Черниговского отбивают от юрьевских слуг Ивана Ростиславича и перевозят его в Чернигов (1157). В лице Берладника Изяслав, вероятно, хотел иметь оплот против честолюбивых стремлений Ярослава Галицкого и более всех других князей покровительствовал Ивану Ростиславичу⁸.

Почему русское духовенство заступилось за опального князя-изгоя перед Юрием Долгоруким, сказать трудно. Этот беспокойный князь, собиравший на территориях Южной Руси между Днестром и Карпатами всех недовольных беглецов, называемых тогда бродниками, и водивший их в военные походы с реки Бырлад на русские земли совместно со степными кочевниками, вряд ли вызывал у духовенства горячее сочувствие. Во всяком случае, его союзнические отношения с половцами, которых он использовал для борьбы против своего двоюродного брата могущественного галицкого князя Ярослава Осмомысла при одобрении Юрия Долгорукого, не могли иметь поддержки Русской православной церкви. По-видимому, духовенство в данном случае пыталось просто предотвратить страшный грех, на который готов был пойти Юрий Долгорукий, - клятвопреступление, да еще сопряженное с убийством хоть и буйного, но все же несправедливо обиженного и униженного русского князя, что никоим образом не могло быть одобрено или допущено православным сознанием современников.

Но что за личностью был Иван Ростиславович Берладник, и какие страницы вписала эта яркая фигура в историю наших земель, в

историю средневекового Понизья, нам еще предстоит узнать. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что его бурная деятельность находила свое отражение и в русских летописях, и в трудах классиков русской исторической мысли – В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Н.И. Костомарова и др., и в трудах украинских, молдавских, румынских, польских, венгерских и других историков различных стран, школ и направлений. И это не случайно: с этим примечательным деятелем древнерусской истории связаны вопросы истории многих территорий и народов. В том числе и земель Понизья, частью которых была в те времена современная территория Республики Молдова и Приднестровской Молдавской Республики, отчасти – и Румынии. Перелистаем эти страницы и мы.

Иван Ростиславич Берладник (ок.1120-1161) происходил из рода Рюриковичей, в частности, князей Перемышльских и Галицких. Его отцом был Ростислав Володаревич Перемышльский (ум.1129), дедом - Володарь Ростиславич Перемышльский (ум.1124), прадедом - Ростислав Владимирович Перемышльский (1038-1066), прапрадедом - Владимир Ярославич Рюрикович (1020-1052)⁹. От своего отца Берладник унаследовал город Звенигород (Галицкий), располагавшийся на левом берегу Днестра между устьями Серета и Збруча. Вероятно, он мог претендовать на большой удел, но вынужден был терпеть подобные «лишения» в силу ряда причин. В Звенигороде он благополучно правил с 1129 по 1145 г., скрывая свое недовольство братом отца, т.е. собственным дядей Владимирко Володаревичем Галицким, который неправоммерно, по мнению Берладника, узурпировал галицкий престол, не желая делиться с племянником «по справедливости».

Дело в том, что Владимирко Володаревич Галицкий сперва был князем Звенигородским с 1124 г., когда скончался его отец Володарь и он сел на княжение, а потом, когда в 1129 г. умер его брат Ростислав, он взял Перемышль себе, а племяннику Ивану Ростиславичу отдал Звенигород. Через полтора десятилетия умирает двоюродный брат Владимирка Иван Василькович, и с 1141 г. по праву наследства Владимирко занимает Теребовль и Галич на Днестре. Главной целью политики князя Владимирко стало объединение в одних руках всей Галицкой земли. Он помогает могущественному великому князю Всеволоду Ольговичу, сыну Олега Святославича, в его борьбе против волынского князя Изяслава Мстиславича, но через несколько лет, в 1144 г. опрометчиво пошел с ним на явный разрыв и примкнул к его врагу Изяславу Мстиславичу. В свою очередь Всеволод Ольгович два раза ходил со своим войском в Галицкую землю и оба раза доводил галицкого князя до отчаянного положения. Однако изворотливый Вла-

димирко Володаревич каждый раз откупался богатыми подарками. Через Всеволодова брата Игоря, которому он сулил свою поддержку в занятии киевского престола, если он поможет ему примириться с братом, Владимирко не только не терял свой престол в Галиче, но и укреплял его¹⁰.

Когда Владимирко потерпел поражение от Всеволода, многие влиятельные горожане Галича, не любившие князя, решили, что настал подходящий час для смены власти. Они-то и приглашают в Галич княжить звенигородского князя Ивана Ростиславича. И вот, зимой 1144 г., когда Владимирко Володаревич отправляется на охоту, жители Галича обращаются к Ивану с просьбой прийти к ним княжить. Долго последнего уговаривать не пришлось. Он отправляется с небольшой дружиной в Галич, и горожане радостно открывают перед ним ворота, впустив в город конкурента галицкого князя. Так Иван Ростиславич становится князем Галицким. Но его правление было коротким и несчастливым.

Узнав о неожиданном ударе в спину со стороны собственного племянника, Владимирко Володаревич решительно двинул свою дружину на Галич. Он осадил город и три недели нещадно бился с его защитниками. Однако горожане не уступали и не сдавались на милость изгнанного ими князя. Более того, горожане с успехом совершали партизанские вылазки в стан врага, внося в полки Владимирка смуту и панику. И неизвестно, чем бы закончилась вся эта история, но однажды ночью нетерпеливый Иван решил самолично сделать боевую вылазку в стан врага. Увлечшись азартной операцией, он зашел слишком далеко за город, и войска Владимирка отрезали дружину Ивана от городских ворот. В отчаянной схватке с полками дяди воинственный племянник потерял большую часть своей дружины, но сумел вырваться из окружения и бежать. Поначалу он появляется на Дунае, в районе реки Бырлад, а затем, перейдя Прут, Днестр, Южный Буг, он степями уходит на Днепр в Киев. Иван потерял, таким образом, не только Галич, но и свой Звенигородский удел. С этого момента и начинается скитальческая жизнь этого предприимчивого и смелого князя-изгоя, первого русского наемника¹¹.

Как описывал в начале прошлого века его авантюрную эпопею член-корреспондент Императорского Московского археологического общества В.К. Гульдман, «Иван Ростиславич сначала появляется в молдавском городе Берладе, который в то время служил притоном для всех беженцев – князей и простых людей, - благодаря частым сношениям с которыми князь Иван Ростиславич и получил название Берладника. В следующем 1145 г. Берладник появляется уже у неприимого врага Владимирка – кн. киевского Всеволода. В следующем

1146 году он находится в дружине брата Всеволода кн. Святослава Ольговича; потом, в расчете на поддержку возвратить себе удел, появляется в качестве служилого князя то в Чернигове, то в Смоленске, то в Суздали, одно время – даже в Новгороде, то вновь в Киеве»¹².

Более десяти лет скитался князь Иван с дружиной набранных в Берладе отщепенцев по русским землям. Поступая на службу к разным князьям и участвуя в их бесконечных усобицах и сварах, он безуспешно искал сильного союзника и покровителя, с помощью которого мог бы вернуть себе княжеский стол в Галиче. Ни Святослав Ольгович в 1146 г., ни Юрий Долгорукий в 1149 г. не стали ему надежной опорой. Да и сам Иван Ростиславич не отличался прилежанием и верностью своим покровителям. Когда князья Владимир и Изяслав Давыдовичи и Изяслав Мстиславич загнали Святослава Ольговича в вятичские леса, Берладник, взявший заблаговременно у Святослава 200 гривен серебра и 12 гривен золота, перешел к Ростиславу Мстиславичу Смоленскому. А В.Н. Татищев вообще считал, что он просто отобрал деньги у Святослава¹³. Не столь уж усерден был Иван Ростиславич и в службе Юрию Долгорукому. Суздальский князь послал его в Двинскую землю перехватить новгородцев, собиравших дань в отдаленных северных районах. Но Ивану не удалось этого сделать. По сообщению летописей, новгородцы отбились, пролив много крови с обеих сторон¹⁴.

Лишь черниговский князь Изяслав Давыдович пытался вести борьбу с сыном Владимирка, одним из сильнейших древнерусских князей Ярославом Осмомыслом, князем Галицким, пытаясь утвердить княжеские права Ивана Ростиславича на Галич, но тщетно. Дружина берладских отщепенцев, лично преданная своему предводителю и вождю, была просто не в состоянии одолеть его врагов и помочь взобраться на вожделенный престол. Эта дружина в конечном счете не могла даже толком защитить князя Ивана. Как только Юрий Долгорукий почувствовал острую нужду в союзнических отношениях со своим братом галицким князем Ярославом Осмомыслом, он задумал «скрепить» этот союз оригинальным образом - выдать Ивана Ростиславича галицкому князю на лютую казнь. Из Суздаля по приказу князя Юрия Ивана доставили в Киев в кандалах, и галицкие послы с хорошо вооруженной дружиной уже готовы были доставить его по назначению. И не дружина берладников, а слово православных священников спасло жизнь беспокойному князю-изгою.

В 1157 г. на пиру у киевского боярина Петрила был отравлен Юрий Владимирович Долгорукий. А после его смерти киевляне, ненавидевшие великого князя, подняли восстание. Какое-то время Иван проводит в Киеве у своего покровителя Изяслава Давыдовича. Здесь, на

свободе, он мог беспрепятственно общаться с недовольными своим князем галичанами, плести сети искусных интриг, готовить заговоры против галицкого князя. Дело в том, что особенности политической жизни Галича и других подобных ему городов на Днестре и вообще в Червонной Руси предполагали нестабильность и в малой степени обеспечивали княжескую безопасность в стольном граде. Эти особенности отмечались еще исследователями XIX в.: «Итак, во всех важнейших случаях действителями являются бояре; они призывают князей, они составляют заговоры, захватывают управление земли в свои руки и т.д., а граждане молчат или являются в страдательной роли приверженцев высшего сословия, исполнителей его предначертаний; то значение, которое сохраняло народонаселение в Киеве, где бояре казались пришельцами, потому что с новым князем являлись и новые бояре, это значение в Галиче всецело перешло к боярам, важным по своему богатству и тому влиянию, которое они постоянно сохраняли над народом благодаря своим должностям. Народная масса, предоставленная самой себе, без средств, без вождя, конечно, должна была разделиться на части и склониться на сторону того или другого боярина»¹⁵.

Естественно, в эти условия наличие в Киеве целого гнезда заговорщиков не могло не беспокоить Ярослава и, как говорит летописец, он начал искать двоюродного брата своего Ивана. В 1158 г. Ярославу удалось заручиться согласием всех русских и польских князей, а также венгерского короля не оказывать Ивану никакой поддержки и объединить усилия для его поимки. Правда, Изяслав Давыдович Черниговский по-прежнему твердо защищал Ивана Ростиславича. Когда послы почти всех русских и польских князей вместе с послом венгерского короля потребовали выдать им опального князя, он решительно отказал им.

Иван Ростиславич не стал испытывать судьбу в очередной раз. В 1158 г. он бежит из Киева в степь, к половцам. Появившись снова в районе бассейна реки Бырлад со своими новыми союзниками, князь-изгой занялся на Дунае грабежом галицких торговых судов. Это занятие пришлось по вкусу не только половцам, но и тем «берладникам», которые его знали и помнили по прошлым авантюрам, когда он впервые появился здесь, избежав смерти под стенами Галича. Видя, как на глазах растет численность рати его приверженцев, Иван Ростиславич решает вести своих «берладников» на Галич, чтобы изгнать оттуда своего злейшего врага и двоюродного брата Ярослава Владимировича (Осмомысла). Несколько перехваченных судов на Дунае, принадлежавших галицким купцам, снабдили Ивана Ростиславича хорошей добычей и привлекли в его ряды до шести тысяч берладников, таких

же неприкаянных, несчастных и изгнанных из своих домов бродяг – галицких бродников, каким был и он сам. Значительную часть этой разношерстной рати составляли кочевники-половцы, рассчитывавшие в очередной авантюре галицкого изгоя хорошо поживиться за счет грабежа.

Из Дунайско-Карпатских земель воинство берладников двинулось на Днестр. Продвигаясь вверх по течению реки, они смогли захватить город Кучельмину. Но при осаде галицкой крепости Ушица на левом берегу Днестра берладники столкнулись с отчаянным сопротивлением гарнизона, сохранявшего верность князю Ярославу. И только предательство нескольких сотен смердов, перешедших на сторону берладников, открыло Ивану реальную возможность взять город штурмом. Кстати, что это за «смерды» в городе? По мнению русского историка С.М. Соловьева, слово «смерды» в данном контексте летописи трактуют как противопоставление городской черни боярам и организованному войску князя. Он пишет: «...Думаем, что здесь должно разуместь под смердами простых людей, черных, чернь или даже вообще всех горожан в противоположность дружине; так, под 1152 годом читаем, что Иван Берладник осадил галицкий город Ушицу, куда взошла засада князя Ярослава и билась крепко, но смерды стали перескакивать через стенные забрала к Ивану, и перебежало их 300 человек; здесь смерды - жители Ушицы противопоставляются засаде, дружине княжеской: последняя билась крепко против Берладника, а смерды перебежали к нему»¹⁶.

Но и в рядах нападавших не было единства. По каким-то причинам князь-изгой не позволил половцам грабить город. Это расстроило планы половцев, и они, раздосадованные и озлобленные на своего предводителя, ушли восвояси на Дунай¹⁷. С оставшейся частью войска Иван Берладник в 1159 г. приходит в Киев к Изяславу Давыдовичу, занимавшему тогда великокняжеский престол в стольном граде. Изяслав обращается к Ярославу Осмомыслу с требованием предоставить Ивану Берладнику полагающийся удел, но вызванный на бой галицким князем, он потерял и собственный удел, а затем погиб.

Между прочим, заняв после смерти Мономаховича Юрия Долгорукого по праву старшинства великокняжеский стол в Киеве, Изяслав должен был уступить черниговский стол своему младшему родичу, двоюродному брату Святославу Ольговичу, князю Новгород-Северскому, но отдал ему не все княжество, а только Чернигов и еще семь городов. Собираясь в поход против Ярослава Осмомысла, он позвал к себе в помощь Святослава и, получив отказ, пригрозил: «Смотри, брат! Когда бог даст, управлюсь в Галиче, тогда уж не пеняй на меня, как поползешь ты из Чернигова обратно к Новгороду Северско-

му». И здесь интересен для нашей темы ответ Святослава брату, киевскому князю: «Господи, ты видишь мое смирение, сколько я поступался своим, не хотя лить крови христианской, губить своей отчизны; взял я город Чернигов с семью другими городами, да и то пустыми: живут в них псары да половцы»¹⁸. С отливом населения из Киевской Руси, таким образом, ясно намечался экономический упадок Чернигова, Любеча и других старинных богатейших и благополучнейших городов Приднепровья.

В связи с этим отливом населения на запад В.О. Ключевский объясняет «одно важное явление в русской этнографии, именно, образование малороссийского племени». Он пишет, что струя отлива населения из Поднепровья «направлялась на запад, на Западный Буг, в область Верхнего Днестра и Верхней Вислы, вглубь Галиции и Польши. Так южнорусское население из Поднепровья возвращалось на давно забытые места, покинутые его предками еще в VII в. Следы отлива в эту сторону обнаруживаются в судьбе двух крайних княжеств, Галицкого и Волынского. По положению своему в политической иерархии русских областей эти княжества принадлежали к числу младших. Галицкое княжество, одно из выделенных, сиротских по генеалогическому положению своих князей, принадлежавших одной из младших линий Ярославова рода, уже во второй половине XII в. делается одним из самых сильных и влиятельных на юго-западе: князь его отворяет ворота Киеву, как говорит "Слово о полку Игореве" про Ярослава Осмомысла. С конца XII в., при князьях Романе Мстиславовиче, присоединившем Галицию к своей Волыни, и его сыне Даниле, соединенное княжество заметно растет, густо заселяется, князья его быстро богатеют, несмотря на внутренние смуты, распоряжаются делами Юго-Западной Руси и самим Киевом; Романа летопись величает "самодержцем всей Русской земли"»¹⁹.

Что же касается Берладника, то, оставшись без большей части своего войска, пережив смерть своего единственного покровителя, черниговского князя Изяслава, разгромленного, а затем и убитого Ярославом Осмомыслом, Иван Ростиславич решает уходить в Грецию. Ему, осознавшему всю бесперспективность попыток воцариться в Галиче и пережившему крах дела всей своей жизни, вероятно, было не страшно найти смерть в Фессалониках (Солуне) в 1161 (по другим сведениям, в 1162) г. По преданию, зафиксированному летописцем, этот князь был отравлен ядом²⁰.

Не менее драматична и печальна судьба сына Берладника, князя Ростислава, который, не имея своей семьи, проживал у князя смоленского Давида. Именно в Смоленск к Ростиславу Ивановичу в 1183 г. пришли горожане Галича, где тогда правил венгерский королевич Ан-

дрей (Андраш), сын короля Бела III, заточившего в темницу Владимира Ярославича, искавшего у него защиты против своеволия галицких бояр. Гости предложили князю Ростиславу занять галицкий престол, изгнав из княжества ненавистных всем венгерских пришельцев. Ростислав собрал небольшую дружину и немедленно отправился в Галич. Два пограничных города в княжестве сразу приняли его сторону.

Но под стенами Галича Ростислав встречает ожесточенное сопротивление не только со стороны венгров. Как оказалось, не все горожане желают его видеть своим князем. Дружинники, друзья Ростислава советовали ему вернуться в Смоленск, реально оценив обстановку. Но князь Ростислав Иванович ответил, что ему уже наскучило скитаться по чужим землям и он желает сложить голову на своей отчине. После этого он ринулся в самую гущу галицких и венгерских полков, был сбит с коня, изранен и полуживым внесен жителями в город. Здесь, в Галиче, Ростислав скончался так, как и желал, «лег на отчине своей подле предков своих»²¹.

Известный советский исследователь академик М.Н. Тихомиров в одном из своих фундаментальных исследований по истории древнерусской государственности увидел во всей эпопее князя-изгоя и его сына не просто случайные коллизии в судьбе колоритной фигуры прожженного авантюриста. Он высказал очень глубокие суждения о том, как эта история отразила реальные условия борьбы за городские привилегии знати, бояр, князей и городского вече. «Галицкие горожане, – пишет Тихомиров, – готовы были поддержать младшего князя Ивана Ростиславича Берладника в противовес его дяде Владимирку. Очень вероятно, что такая поддержка исходила не от всех горожан в целом, а от определённых кругов, видевших в Иване защитника интересов демократических слоев населения. Недаром же во время осады Ущицы Иваном Берладником смерды перескакивали через городскую стену в его лагерь, «и перебежало их 300».

Случайные известия о берладниках, получивших своё название от города Берлада, или Бырлата, на юге Молдавии, позволяют видеть в них предшественников позднейших бродников. В их числе должны были находиться беглые холопы, смерды, разорённые горожане. Таким образом, расположение смердов к Берладнику не случайно, как не случайна и особая ненависть к нему старших князей. Недаром же Юрий Долгорукий обращался с Иваном, как с преступником, держал его в оковах и готов был выдать его на расправу Ярославу. Ещё ранее против Ивана Ростиславича была создана целая коалиция князей. Ярослав Галицкий «подмолвил князей русских и короля (надо понимать, венгерского) и польских князей, чтобы были ему помощники на Ивана». Это объединение князей объясняется общим страхом перед

Берладником как руководителем движения городских и сельских низов. Летописи зловеще говорят о судьбе князя-берладника, давая возможность предполагать, что его смерть на чужбине была вызвана отравой, «иныне так молвят, что с отравы была ему смерть»²².

Известный русский историк, писатель и журналист, издатель знаменитого журнала «Московский телеграф» Н.А. Полевой в своем трехтомном основательном исследовании «История русского народа», увидевшем свет в начале 30-х гг. XIX в., историю с призванием в князя Ростислава Ивановича описывает следующим образом: «Это был сын Берладника, Ростислав... Этот юноша жил в Смоленске и слышал, что есть и его приверженцы в Галиче, еще помнящие несчастного Берладника. С малою дружиной Ростислав хотел решить победу быстротою и смелостью. Он и успел бы, может быть, но Андрей был деятелен, встретил его с сильным войском и принудил к битве. С горестью видел Ростислав, что признавшие его не являются. "Бог судья тем, кто звал меня и обманул; но лучше умереть, нежели скитаться на чужбине, как скитался отец мой и я," - сказал он и начал битву. Смертельно раненного взяли его венгры и привезли в Галич. Тронутые несчастной участью юноши галичане заволновались. Андрей велел унять их и избавить его от сына Берладникова. К ранам Ростислава приложили отраву и показали народу мертвое тело его... Галичане успокоились, утаили досаду»²³. Тем более, что Владимир Ярославич, сын Ярослава Осмомысла, вскоре бежал из венгерской тюрьмы, куда он был заточен по решению отца Андрея Иерусалимского, венгерского короля Белы, а потом, заручившись поддержкой германского императора Фридриха Барбароссы, вместе с поляками подошел с дружиной к стенам Галича. Горожане взбунтовались и стали резать венгров в отместку за неуважение к православной религии и нормам нравственности. Владимир Ярославич снова воцарился в Галиче.

Галичане не любили его деда, князя Владимирка. Это действительно так, но дело не только в этом. Галичане с самого начала, по-видимому, были недовольны княжением Владимирка и во время похода Ольговичей на Галич в 1144 г. вынудили его начать с ними переговоры. Своё отношение к Владимирку галицкие горожане проявили в том же году. Воспользовавшись отсутствием князя, «послали галичане за Иваном Ростиславичем в Звенигород и ввели его к себе в Галич». Владимирко три недели осаждал Галич и бился с Иваном, пока не отрезал последнего от города и не вынудил бежать за Дунай. Но и после этого горожане «всю неделю бились за Ивана с Володимиром».

Горожане только «нужею» сдались в руки Владимирка, который произвёл над ними жестокою расправу. Сношения галицких горожан

с Иваном Берладником продолжались и далее. В 1159 г. они посылали к Ивану с предложением выступить на войну: «Только покажешь стяги, и мы отступим от Ярослава». Позже «галицкие мужи» сносились с его сыном Ростиславом Ивановичем²⁴.

О кровожадности Владимирка, который «плавал в крови» жителей Галича, и хорошем отношении галичан к Берладнику сообщает, ссылаясь на Киевскую летопись, и Н.М. Карамзин: «Брат Владимирков, Ростислав, оставил сына именем Иоанна, прозванного Берладником, у коего дядя отнял законное наследство: сей юноша жил в Звенигороде и снискал любовь народа. Пользуясь отсутствием Владимирка, уехавшего в Тисменицу для звериной ловли, галичане призвали к себе Иоанна и единодушно объявили своим князем. Гневный Владимирко приступил к городу. Жители сопротивлялись мужественно; но Иоанн в ночной вылазке был отрезан от городских ворот: пробился сквозь неприятелей, ушел к Дунаю и, наконец, в Киев. Галичане сдались. Склонный более к строгости, нежели к милосердию, Владимирко плавал в их крови и с досадою слышал, что великий князь взял его племянника под защиту, как невинно гонимого»²⁵.

Кстати, на эпизод с Ростиславом Ивановичем, сыном Берладника, обратил внимание еще в середине XIX в. известный историк русско-го права В.И. Сергеевич в своей магистерской диссертации «Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена Рюриковичей». Он отмечает, что в приглашении Ростислава на галицкий престол в 1159 г. «...ясно различены два слоя галицкого общества: бояре (галицкие мужи) и просто галичане - и показано участие в призвании князя не только первых, которые весьма рано обособились в сильное сословие, значение которого не может быть подвергаемо сомнению, но и последних»²⁶. Другими словами, попытки горожан Галича вновь пригласить на княжеский стол Ростислава Ивановича по сути своей являлись попытками возродить значение вечевых элементов в общественной жизни и ограничения всевозрастающего значения боярской олигархии. Эти попытки, как и в случае с Иваном Берладником, натолкнулись на жесткое сопротивление бояр и князей, как отечественных, так и иноземных.

В этих условиях ужесточавшейся борьбы между социальными слоями феодализировавшегося общества православная церковь не занимала, как мы видим, четкой и однозначной позиции поддержки одной из сил и подавления других, демократических сил, как это иногда пытались представить в атеистической историографии советских времен. Священнослужители скорее выступали в качестве сдерживающего, стабилизирующего начала, которое пыталось удержать в рамках норм морали и нравственности противоборствующие стороны, доходившие во взаимной борьбе до одичания и озверения.

И здесь мы не можем не согласиться с важным выводом великого русского историка С.М. Соловьева, который, описывая спасение митрополитом Константином Ивана Берладника и другие подобные свидетельства огромного значения духовенства для политической и нравственной жизни народа и различных его классов, приводит слова митрополита Никифора, сказавшего, предупреждая вражду между Рюриком Ростиславичем и Всеволодом III: «Князь! Мы приставлены в Русской земле от бога удерживать вас от кровопролития!» И далее историк замечает: «В тот век, когда понятия о народном праве были слабы, и не стыдились убивать или задерживать послов, если речи их не нравились, послами обыкновенно отправлялись духовные лица, потому что за них менее можно было опасаться при всеобщем уважении к их сану.

В людях описываемого времени не трудно заметить особенное расположение и уважение к монашеству; уважение это приобрели по праву древние русские иноки, особенно иноки Киево-Печерского монастыря, своими подвигами. В тогдашнем обществе, грубом, полужыческом еще, в котором новые, лучшие понятия, принесенные христианством, встречали могущественное сопротивление, первые монастыри представляли особое, высшее общество, где новый порядок вещей, новая религия проповедовалась не только словом, но и делом. ... Входя в монастырские ворота, мирянин переселялся в иной, высший мир, где все было чудесно, где воображение его поражалось дивными сказаниями о подвигах иноческих, чудесах, видениях, о сверхъестественной помощи в борьбе с нечистою силою; неудивительно, что монастырь привлекал к себе многих и лучших людей»²⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982. С. 510.

2. Смирнов С.И. Как служили миру подвижники Древней Руси. Московские епархиальные ведомости. № 6-8. 2003. http://files2.regentjob.ru/archive/vedomosti.meparh.ru/2003_6_8/12.htm

3. Духовный отец в древней восточной Церкви (история духовничества на Востоке). Ч. 1, 2. Сергиев Посад, 1906; Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. М., 1914. С дополнительным томом «Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины»; Водокрещи. Материалы для истории крещенских обрядов в Древней Руси. Сергиев Посад, 1900; Празднование Пасхи в Древней Руси. Прибавления к Церковным Ведомостям, 1900, № 15-16; Праздник Крещения Господня в Древней Руси. Прибавления к Церковным Ведомостям. 1901. № 1; Как говели в Древней

Руси? Прибавления к Церковным Ведомостям. 1901. № 8, 9, 10; Как служили миру подвижники Древней Руси. Богословский Вестник. 1903. № 3, 4; Житие преподобного Даниила, Переяславского чудотворца. Повесть об обретенной мощей и чудеса его. М., 1908 и др.

4. *Мохов Н. А.* Молдавия эпохи феодализма. Кишинёв, 1964. С. 82-84. *Соболевский А.И.* Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. В кн.: Труды VIII Археологического съезда. Т. 2. М., 1895; *Толочко П.П.* Историчні портрети. Киев, 1990.

5. Тмутараканское царство являлось древнерусским княжеством в конце X – начале XII в. и существовало на Таманском полуострове, было отрезано половцами от остального славянского массива и прекратило свое существование после долгих войн с половцами и Византийской империей.

6. *Смирнов С.И.* Указ. соч. Автор ссылается при этом на сообщение Ипатьевской летописи 1157 г.

7. *Рыжов Константин.* Все монархи мира. Россия. 600 кратких жизнеописаний. М., 1990. См. также: <http://interpretive.ru/dictionary/454/word/%C8%C2%C0%CD+%D0%CE%D1%D2%C8%D1%CB%C0%C2%C8%D7+%C1%E5%F0%EB%E0%E4%ED%E8%EA/>

8. Энциклопедия Википедия. http://ru.wikipedia.org/wiki/Иван_Ростиславович

9. *Пчелов Е.В.* Рюриковичи. История династии. М., 2001.

10. *Брокгауз и Ефрон.* Энциклопедический словарь. Биографии. Т. 3. М., 1993. С. 411, 512.

11. *Рыжов Константин.* Все монархи мира. Россия. 600 кратких жизнеописаний. Москва, 1999.

12. *Гульдман В.К.* Памятники старины в Подолии (Материалы для составления археологической карты Подольской губернии). Каменец-Подольский, 1901. С. 128. Конечно, ни о каком «молдавском городе Берладе» в те времена и речи не было - молдаване эти земли стали заселять двумя столетиями позже (*прим. авт. - Н.Б.*).

13. *Рыжов Константин.* Указ соч.

14. *Смирнов М.* Судьбы Червонной или Галицкой Руси до соединения её с Польшей. СПб, 1860. С. 118-119.

16. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. В пятнадцати книгах. Книга III. Т. 3-4. М., 1960. С. 35.

17. *Гульдман В.К.* Указ. соч. С. 128.

18. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Часть 1. Соч. Т. I. М., 1956. С. 282.

19. *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 284.

20. *Гульдман В.К.* Указ. соч. С. 108.

21. Там же.

22. *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 208.

23. *Полевой Николай.* История русского народа. Т. 2. М., 1997. С. 90.

24. *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 109-110.

25. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. В 12 томах. Т. II-III. М., 1991. С. 123.

26. *Сергеевич В.И.* Вече и князь, М., 1867. С. 8.

27. *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 63.

ЕДИНЬЙ КНИЖНЬЙ интернет-магазин

Первый тематический книжный магазин по «украинскому» вопросу.

Высылаем каталог по почте и поможем с приобретением мелкооптовых партий книг.

Книги в наличии:

- Ульянов Н. «Происхождение украинского сепаратизма»
- «Русская Галиция и «мазепинцы»»
- Сидоренко С. «Украина - тоже Россия»
- Чуев С. «Украинский Легион»
- Геровский Г. «Язык Подкарпатской Руси»
- Аристов Ф. «Литературное развитие Подкарпатской Руси»
- Поп И. «Энциклопедия Подкарпатской Руси»
- Журнал «Русин» и многое другое...

Совместный проект сайтов «Единая Русь» (www.edrus.org), «Украинские страницы» (www.ukrstor.com) и «Малорусской народной исторической библиотечки» (mnib.malorus.org).

Адрес магазина в Интернете: <http://magazin.malorus.org>
e_mail: magazin@malorus.org Тел.: +7 (903) 53 44 218

Адрес: Россия 109028 Москва. До востребования.
Предъявителю ОЗП 5 IN 1196995